

Игорь Прокопенко

СЕПАР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Прокопенко

СЕПАР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54309102

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда привычный мир рухнул, а человеческая жизнь стала разменной монетой. Когда стерлись рамки морали, а правда перестала быть таковой. Он просто делает свою работу и хочет выжить...

Содержит нецензурную брань.

ПРОЛОГ

Наша память – удивительная штука. Радостные и веселые воспоминания постепенно стираются из нее, уходя в небытие. Бывает, что и к утру не помнишь, как вчера было хорошо. Плохие же и постыдные – напротив, помнятся очень долго, как в своей памяти, так и в общественной. И периодически всплывают на поверхность, напоминая, что ты все не такой уж классный тип, каким хочешь казаться себе и окружающим.

Но есть у памяти еще одна отличительная черта – при мало-мальски здравом рассудке она стирает вспоминая, которые этому самому рассудку могут каким-то образом повредить. Я не исключение, и события тех дней постепенно выветриваются из головы, освобождая место новым. Хорошим, плохим, нейтральным. Каким угодно, но только не тем, которые нужно помнить. Ведь забыть – значит простить, а прощать никак нельзя.

Тем более, что всем хорошо известны главные сценаристы этой драмы – войны, которой не должно было быть, для начала которой не было других причин, кроме человеческой глупости и жадности. Но этого, увы хватило. Войны, в которой изначально не могло быть победителей, в которой проиграли обе стороны, едва лишь взяв в руки оружие. Одни – поверив, что вооруженный захват власти может быть народной инициативой и приведет к чему-то хорошему. Вторые –

поведясь на бредни про живодеров-бандеровцев. Многие из тех и других обоюдными стараниями уже мертвы. А те, кто жив – разочарованы и ищут способы, как с этим чувством жить дальше. Но есть и третьи – с обеих сторон. Те, кто, осознавая истинную суть происходящего или не особо задумываясь над этим, главным мотивом своего участия поставили наживу. Ублюдки, решившие заработать на крови. Справедливое возмездие за содеянное настигнет их и на этом свете, и на том. Судьба удивительно справедлива к подобного рода сволочам. Несправедлива она обычно к хорошим людям – тем, кто в этой справедливости больше всех нуждается. Впрочем, кто я такой, чтобы рассуждать о вселенском добре и зле...

Итог произошедшего один. Обе стороны конфликта, каждая в своих целях, принесли в жертву население Донбасса, толкая маховик военной махины, запущенный властью имущими мира сего, конечная цель которых не меняется веками. Власть и деньги. Контроль над территориями и обществом потребления, на них обитающем. И именно этих кукловодов, дергающих за ниточки своих марионеток, нельзя простить. А потому и забывать тоже никак нельзя. Десятки тысяч убитых, умерших от голода, из-за отсутствия медицинской помощи, раненных и инвалидов. Разрушенные семьи. Миллионы искалеченных судеб.

Что же побудило меня, не писавшего до этого ничего, отличного по тематике от протоколов допросов, взяться за пе-

ро?

Мой план прост. Реально оценивая свой писательский талант или его отсутствие, я не тешу себя надеждой, что мой труд будет когда-нибудь издан. И если мне посчастливится воплотить свои мысли на бумаге в завершённом виде, я закажу десяток экземпляров и раздам их друзьям. Они прочитают, откомментируют прочитанное и закинут мою книжку на полку. Ведь ничего нового для себя они, по сути, в ней не найдут. И пусть она пылится сколько-то десятков лет, пока в один прекрасный день наши дети или дети их детей, перебирая старый хлам, не наткнутся на неё и, заинтересовавшись, не прочитают правду о событиях 2014 года. О войне, от которой к тому времени останется лишь пара абзацев в учебниках истории, причём абсолютно разного содержания – в зависимости от страны-издателя.

О войне, которой не должно было быть.

«Если ты ненавидишь – значит тебя победили»

Конфуций. V век до н.э.

Разгоняя вяло бродящих голубей и моргая аварийкой, по проспекту мчался чёрный гелендваген. Автомобили в последнее время были нечастыми гостями на дорогах Луганска. Желаящих наткнуться на комендантский патруль и навсегда потеряться где-то в чертогах ополченских подвалов было немного даже среди бела дня. А учитывая, что в каж-

дом водителе патрульные видели шпиона или диверсанта, шансы потеряться были действительно велики.

Я не был ни тем, ни другим. Но по какой-то дурацкой прихоти судьбы на меня уже вели охоту две бандитских группировки, именующие себя ополченцами, а в придачу отдельные лица из третьей, выдающей себя за нынешнюю власть, тоже при случае не упустили бы шанс пустить мне кровь. И чтобы вытащить свою задницу из всего этого, приходилось рисковать. Как я умудрился так встрять? Если честно, я и сам не понял. События последних дней развивались настолько стремительно, что анализировать их толком не было возможности. Да и как можно проанализировать абсурд? Вот я и летел на бешеной скорости навстречу неизвестности. И, как позже выяснилось, зря. Но обо всём по порядку.

А начать нужно, пожалуй, с того зимнего февральского вечера, когда после очередного обзора событий Майдана в сознании укрепилась мысль, что придуманная когда-то давно верными слугами дядюшки Сэма и неоднократно отточенная на странах третьего мира схема государственных переворотов, похоже, начинает срабатывать и на моей родной земле. А когда появилась информация о первых жертвах Майдана, пришло понимание – просто так это уже не кончится. А после был Крым, Одесса, захваты администраций и силовых структур по всей стране. И вот теперь Донбасс... Словно шахматная партия, разыгрываемая двумя умелыми гроссмейстерами. Первый гроссмейстер в звездно-полоса-

том цилиндре, второй – в кимоно и с клюшкой. И у обоих на запястьях татухи «Демократия». Только вместо шахматных фигур – люди. Люди-пешки, которыми пожертвовали для достижения стратегического превосходства, заставив думать, что, убивая и калеча себе подобных, они совершают праведное дело. Пешки, обманутые обоими шахматистами. Пушечное мясо.

Тогда за новостями не следил только мертвый. Потому что каждый день мог стать последним, и лишь отошедшим в мир иной терять было нечего. Остальные же хотели еще как-то побарахтаться под солнышком. И это майское утро не стало исключением.

По приезде на работу я, как всегда, уткнулся в компьютерный экран, жадно впитывая информационный поток и фильтруя извращаемые журналистами новости. По ссылке «Луганск, разгул криминала, стрельба и похищение человека» в Ютубе замелькал знакомый ландшафт соседней многоэтажки. Оператор снимал из окна. На въезде во двор стояла черная «Мазда», возле которой лежал мужик в шортах и футболке со связанными сзади руками, а вокруг него водили хоровод несколько вооруженных «ополченцев». В итоге его засунули в машину, один из бандитов, что-то крича, несколько раз выстрелил в воздух, и машина стремительно вылетела на дорогу, чуть не сбив мамашу с детками.

И тут мозг кольнуло какое-то нехорошее предчувствие. Когда я заново пересмотрел видео, до меня дошло, что во

время этой сцены возле машины вертелся любопытный маленький паренек. Мой сын!!! А мамаша на выезде из двора – не кто иная, как моя благоверная супруга, которая, судя по времени происходящего, ходила забирать детей из детского сада. Моих детей... Моя жена...

Одно дело, когда события в новостях происходят где-то и с кем-то. И совсем другое – когда это происходит с близкими тебе людьми. В придачу ещё и элемент неожиданности. Стрельба, захват человека.

Странно, если это всё было вчера, то почему жена ничего не сказала? Не каждый день становишься свидетелем подобного. Отвечая на мой обычный вопрос по приезде с работы «Как прошел день?», такое вряд ли забудешь упомянуть. Рука сама потянулась к телефону, в динамике засопел сонный голос жены:

– Да...

– Любимая, а вы вчера из садика нормально дошли?

– Да... А что?

– И ничего странного по пути не произошло?

– Нет... Зашли в магазин, потом на детской площадке возле дома погуляли.

– Ага, нормально, говоришь. А то, что при вас чувака похитили, стрельба была, машиной вас чуть не сбили, тебя как бы не смущает? Ну я тебе сейчас ссылочку кину, посмотри.

Кладу трубку, отправляю по электронке ссылку на видео. Жду. Размышляю. Хорошо, когда жена с головы до пят аб-

солютный оптимист, верящий в мир во всем мире и розовых слоников. Я как образцовый папаша семейства всеми силами старался ограждать их от тягот и бед, решая все возможные проблемы. Последние пять лет она взращивала двух наших отпрысков и хранила домашний очаг, имея круг общения из таких же мамашек, основной заботой которых был здоровый цвет какашек у любимых чад. Так что, как говорил мой львовский дядько Сергій: «Маємо шо маємо».

Зазвонил телефон. Жена. Голос взволнованный.

– Игорь, я вообще не поняла, как такое могло... Нам же не видно было за домом... Ну, бахнуло что-то – думала, петарды... Жесть, Тёмка прямо возле них всё время крутился...

Накручивать её ещё сильнее не хотелось, она и так у меня излишне впечатлительная. Поэтому, сославшись на занятость, я закончил разговор и решил пройтись по территории, обдумывая произошедшее.

Так уж получилось, что после завершения милицейской карьеры меня занесло в службу экономической безопасности одной транспортной компании. Собственно говоря, я и был этой самой службой безопасности.

Выйдя на улицу, я узрел десяток фур, стоящих на территории АТП, а возле крыльца, выходящего на внутреннюю территорию, курило несколько водителей. Я подошел, поздоровался.

Нужно отметить, что дальнобои – весьма своеобразные ребята, и общение с ними тоже довольно специфическое.

Начнем с того, что дальнобойщик – это не работа, а жизненный уклад. Далёкий от дорожного романтизма, льющегося на нас с экранов телесериалов. Знаю, о чем говорю, так как месяц катался по Европе вторым водителем. У меня был выбор, мог и не ехать. Но захотелось понять, что ж это за профессия. Бесспорно, есть в ней определенные плюсы. Когда, наматывая на колеса автобаны Евросоюза, видишь словно сошедшие с рекламных роликов деревеньки и уходящие в горизонт поля солнечных батарей – это, конечно, впечатляет. Поначалу. Но дорожная романтика начинает проходить уже при первом подмывании в умывальнике придорожной забегаловки. И окончательно рассеивается после пары бессонных ночей на паркинге, когда, не смыкая глаз, следишь, чтобы вездесущие арабы, заполонившие Европу в последние годы, не выставили твой груз стоимостью в несколько сотен тысяч евро. Ведь тогда, даже если разобрать себя на органы, всё равно не покроешь ущерб. А еще есть срывы сроков доставки из-за поломки машины, постоянное воровство дизтоплива на стоянках, пердёж и храп спящего на нижней полке напарника, недельное стояние в очереди, чтобы пересечь границу, и многое-многое другое.

Это очень ответственный и тяжелый труд. И люди, посвятившие себя ему, имеют весьма суровый характер, выкованный в ежедневном решении постоянно возникающих в дороге проблем. Они ценят в человеке внутренний стержень, и если его нет, то уважения в их среде ты никогда не добьёшь-

ся.

– Нормально доехали? – обратился я к ним. – Как блокпосты прошли?

Один из водителей, седоволосый мужик, отработавший дальнобойщиком большую часть жизни, скорчив недовольную мину, начал первым.

– Николаич, да какой там. Дрочат на каждом посту. Груз проверяют, документы. А на украинских так всю кабину выворачивают.

– Меня на ополченском держали, не отпускали, пока канистру соляры им не слил, – подхватил второй водитель. – Одних проехал, на следующем тоже начали соляру требовать. Я говорю – вы не охренели на каждом посту по канистре сливать, я так до гаража не доеду. Потрахади мозг да пропустили. А что с недостатчей делать?

– Вот и я дизель им сливал, не пускали так, – поддержал его третий. – Ни груз, ни документы не смотрели, сразу соляру давай.

– А чего сразу оттуда не позвонил? – нахмурился я, прикидывая, что такой причиной можно запросто объяснить любую недостачу топлива. – Сколько слил?

– Тоже канистру, – слегка замешкавшись, ответил третий.

Ну, двадцать литров – не смертельно, может, и вправду пришлось слить. Обдиралово грузовиков на солярку уже стало нормой на блокпостах в последние пару недель.

– Зайдете с актами, спишу недостачу, – сухо резюмировал

я. – Но на будущее имейте ввиду: если что-то хотят – хоть те, хоть другие – соляру, или груз им приглянется – сразу звоните мне. Включаете дурака – мне начальство сказала ничего без команды не давать. Я сам буду с ними разговаривать. Вчера Сергеев с блокпоста позвонил, я пообщался, сошлись на 5 литрах вместо 20-ти. Всё ясно?

– Да ясно, будем звонить, – согласились водилы.

Пройдясь по территории, осмотрев приехавшие машины и послушав доносившиеся откуда-то издали звуки стрельбы, я вернулся в кабинет и до обеда занимался решением текущих вопросов. В обеденное время у меня была забита стрелка с друганом Саньком, который по совместительству был уже и моим кумом. Решили вместе перекусить и обсудить ситуацию. И когда обе стрелки часов заняли вертикальное положение, я закрыл кабинет, и погрузившись в свой автомобиль, отправился на обед.

Из динамиков ожившей автомагнитолы до слуха донесся неторопливый пророческий баритон: «...Красная, красная кровь – через час уже просто земля, через два на ней цветы и трава, через три она снова жива. И согрета лучами Звезды по имени Солнце...». Последнее время автомобиль стал для меня единственным местом, где я мог побыть наедине с собой и своими мыслями. Дома после рождения второго ребенка я себе не принадлежал. На работе – что на милицейской, что на нынешней – скучать тоже не приходилось. Оставался только автомобиль. И время, которое я проводил

в нём, хотелось заполнить чем-то максимально комфортным для мозга. Не могу назвать себя меломаном, но современная эстрада давно перестала радовать чем-то достойным, поэтому я закинул на флэшку всё, что по моему мнению было лучшим в русском роке, и курсировал между домом и офисом, медитируя под любимые хиты. Кино, ДДТ, Чайф, Наутилус, Сплин, ЧиЖ. Ну и Сектор Газа, как же без него.

Путь к кафешке, где в ожидании меня томился Санёк, приехавший на полчаса раньше договоренного срока, пролегал мимо здания областного УВД – места, где прошли мои последние милицейские годы. Подъехав к зданию, я увидел столпотворение людей. Некоторые были в камуфляжной форме, но большинство в гражданке. Отличительной чертой почти каждого была георгиевская лента. У одних она была приколотая на груди, у других – повязана на рукаве. Быстрого осмотра толпы хватило, чтобы понять – практически все вооружены. Движение было перекрыто, на дороге стояли бетонные блоки. Один из блокирующих здание мужчин, стоящий прямо на дороге, помахал мне гаишным жезлом – мол, разворачивайся. Выбора не было, я развернулся, отъехал метров на тридцать, припарковался, и найдя в телефоне номер своего бывшего напарника, нажал на вызов.

– Здоров, Вован! – бодро прокричал я в трубку. – На работе? – и дождавшись положительного ответа, продолжил: – Неслабо вас тут обложили... Чё вообще хотят?

– Здоров, Гарик! – тон Вовчика не разделял моего опти-

мизма. – Да хрен их разберёшь, чё хотят, – уклончиво ответил он.

– Так разгоните их на хер, чего на них смотрите? – всё так же бодро предложил я, провоцируя Вовку на какой-то комментарий по поводу происходящего.

– Вот сам и разгони, раз такой грамотный, – не заставил он себя ждать. – Сидим тут вторые сутки в полной амуниции, ждём непонятно чего. Во дворах автобусы со спецназом, будет команда – за десять минут всех упакуем. Но команды нет.

Да уж. Здесь и сейчас повторяется ситуация с захватом здания СБУ за пару дней до этого. Хорошего мало, и добром это вряд ли кончится.

– Ясно. Ну крепитесь там, – постарался я как-то подбодрить боевого товарища. – Если осада затянется – свисти, подвезу пиццу и кроссворды.

Вовчик оценил иронию и, усмехнувшись, закончил разговор:

– Ладно, давай. На связи.

Наскоро перекусив и пообщавшись с кумом, я вернулся на работу, досидел до конца рабочего дня, не принесшего больше ничего запоминающегося, и помчался домой. На звук отрывающейся двери вышла жена.

– Ну что, звезда Ютуба, посмотрела? – спросил я с ехидцей, снимая обувь.

– Посмотрела... Я когда шла – слышала что-то бахнуло. Подумала, что детвора петардами балуется. А потом маши-

на выехала, и всё. А там, оказывается, ловили кого-то, стреляли.

– Зай, ты в каком измерении живешь? – начал я свой монолог, решив во избежание дальнейших легкомысленных поступков провести с женой полноценную разъяснительную беседу. – В стране пиздец творится! Кто у власти – непонятно! По всей стране всё везде отжимают, там – одни, тут – другие. В городе какие-то отряды самообороны повылазили, половина – уголовники. Вооружил их кто-то! Администрацию захватили, СБУ захватили, управу милицейскую сейчас штурмуют. Среди бела дня людей похищают. Чтоб не вздумала больше с детьми никуда дальше детской площадки за домом ходить, пока это всё не уляжется!

– А в магазин? – оторопел больше от моего тона, чем от сути услышанного, поинтересовалась супруга.

– Напишешь список, я с работы буду ехать, всё возьму.

Мы прошли на кухню, жена начала накрывать ужин, а ко мне подбежал четырехлетний сынишка, ухвативший своими ушками наш разговор – примостырился у меня на коленях и с присущей только детям наивной простотой спросил:

– Пап, а что, война началась?

Я сначала не нашёлся, что ответить. Не хотелось даже самому себе признаваться, что он, похоже, прав. Но что-то нужно было говорить, и я отшутился:

– Надеюсь, что нет, сынок. Надеюсь, что большие дяди, которые нами управляют, поделят большую гору конфет, ко-

торая у них есть, и успокоятся. Просто один дядя нагрёб себе много конфет, а с другими не делился, и те, другие, обиделись и отобрали у него конфеты. А он, в свою очередь, тоже обиделся и теперь хочет конфеты назад вернуть. Сладкое очень любит, видимо. Вот ты любишь конфеты?

– Конечно, люблю, – подтвердил сын.

– А поделишься с друзьями, если они попросят?

– Конечно, поделюсь!

– Вот и молодец! А теперь дай папа покушает, он тоже мамины котлеты очень любит. И ни с кем не поделится! Сам всё съест! – поменял я тему беседы и потрепал сына по голове.

Артём, забыв про свой вопрос, прыгнул на пол и побежал к себе в комнату.

Не успел я закончить трапезу, как зазвонил телефон. Вовчик.

– Слушаю, товарищ полковник! – бодро ответил я в трубку.

– Ну, что ты думаешь? – из динамика донесся голос напарника. – Дали команду! Только не ту, что надо. Сказали сдать оружие и спецсредства, оставить себе только табельные стволы и разойтись по домам. А милиция теперь будет «народная». И кто в ней будет служить – решит «народ»! Только непонятно какой!

– Да понятно какой... – немного поразмыслив, ответил я. – Ну хорошо, что хоть без крови обошлось. Там этот народ, который вас обложил, упакован как «коммандосы», и руко-

водят ими явно не балбесы, судя по тому, как слаженно всё происходит... Ну так заезжай днями на пиво, тебе ж на работу ходить уже не надо, как я понял. Посидим, поговорим.

– Ну, глянем, как оно будет... – задумчиво протянул Вовка. – Может, и заскочу, посидим.

Но так и не заскочил. В течение следующих нескольких недель всех действующих правоохранителей поставили перед выбором – либо примкнуть к «народной милиции», либо – подвал, прессинг родственников, конфискация жилья, транспорта и имущества. Вовка с семьёй под видом гражданского смог выехать на украинскую территорию и продолжил службу. Квартиру его конфисковали и дважды приезжали терроризировали престарелую мать, пытаясь выяснить, где скрывается сын. Но так повезло далеко не всем.

А в области тем временем начались полноценные боевые действия.

В один день из рации, лежавшей на моем рабочем столе, донесся голос дежурящего на КПП сторожа:

– Николаич, это КПП.

– На связи, – ответил я.

– Петрович к вам человека ведёт, задержать не смогли.

Ополченец, вооруженный, скоро зайдут, – продолжала стрекотать рация.

– Не сказал, чего хочет? – напрягся я.

Визит не предвещал ничего хорошего. Не скажу, что это

было неожиданно – рано или поздно, они бы всё равно к нам явились. Ну вот и дождались.

– Нет, хотел к директору, но мы сказали, что сначала надо к вам.

– Да, правильно.

В этот момент входные двери распахнулись и в кабинет вошел мужчина в камуфляжной форме с кобурой на поясе. За его спиной маячил сторож Петрович.

– Вот, к директору хотят... – неуверенно промямлил последний.

– Хорошо, спасибо, – я кивком головы дал понять Петровичу, чтобы он вышел, оставив нас одних, и указал на стул прибывшему гостю.

– Присаживайтесь. Чем обязаны?

Пропустив мимо ушей моё предложение, прибывший продолжил стоять и борзо потребовал:

– Мне нужен директор!

– Директора сейчас нет, – решил я действовать по заранее оговоренной схеме. – Можете говорить со мной.

– Нам нужна машина, фура, – не особо расстроившись фактом отсутствия главного должностного лица, продолжил гость.

– Кому – нам? – уточнил я.

– Я замкоменданта района, – делая важную мину на лице, заявил прибывший. – Нужна машина для перевозки необходимого... оборудования. Заправленная, без водителя.

Ну тут тоже пока всё было ожидаемо – не приедет же он на транспортное предприятие за хлебом и салом. А тот факт, что машина нужна без водителя, вместе с его нежеланием афишировать источник поступления «оборудования» тоже говорил о том, что возвращать нам её потом никто не собирается.

– К сожалению, ничем не можем помочь, – покачал я головой. – Все машины в рейсах, здесь только аварийный транспорт, который не на ходу.

Замкоменданта или кем он там на самом деле был склонился над столом, опершись на него руками, и, нависая надо мной, с открытой злобой в голосе рявкнул:

– А если найдём? Отвечать будете перед руководством республики! И спрос будет жёсткий!

Рукава его камуфлированной гимнастерки были завернуты до локтей, и мне в глаза бросились зоновские наколки, покрывавшие его запястья. И это изменило ход беседы. Пару дней назад я навестил одного хорошего знакомого, занимавшего одну из руководящих должностей в Луганском СИЗО. Навестил, чтобы выяснить, какую позицию в сложившейся ситуации заняли уголовные «авторитеты». Ведь в период, когда действующая власть фактически свергнута, их влияние на происходящее в стране, где определенная часть населения даже в мирное время руководствуется не законами, а понятиям, может быть очень велико. И выяснил, что воры сами не в восторге от того, что творится в регионе, именуя это не

иначе как беспредел. И хоть они и против власти, но так же и против беспредела. В уголовной среде порядок – основной из принципов, на котором базируется их авторитет. Так что поддержки с этой стороны представители новой республики не имеют, а ежели кто из ранее судимых и подвизался к ополчению – то это исключительно их личная инициатива. Так что нужно было менять угол общения с жаждущим отжать машину представителем власти, переведя его из плоскости «республика – гражданин» в плоскость «мент – зэк». На этом поле шансов у меня побольше.

Поэтому я привстал со стула, так чтобы наши взгляды оказались на одной линии, приблизил свое лицо к его наглой физиономии и спокойно, но уверенно спросил:

– Ты на зоне такой же смелый был?

Поединок взглядов продолжался несколько секунд, пока, наконец, укоренившаяся в его в сознании за годы отсидки привычка подчиняться «куму» не взяла вверх. Он отвёл глаза, резко развернулся и вышел из кабинета, напоследок выплюнув: «Ещё встретимся, мусор!».

Я плюхнулся назад на стул, облегчённо выдохнул и проговорил в рацию:

– Гость уходит. На всякий случай запишите номер машины.

Ну что ж, на сегодня отбились. Но очевидно, что продолжение следует. Собравшись с мыслями, я вышел в коридор и направился к одному не очень симпатизирующему мне то-

варищу. Антипатия, к слову, была взаимной. Хоть и его тоже по-своему можно было понять – ну кто будет любить особиста, который не даёт нормально зарабатывать на клиентских откатах. Вот и наш заместитель директора тоже так считал.

– Юрий Викторович, – обратился я к нему, зайдя в кабинет, одну из стен которого практически целиком занимала карта, утыканная разноцветными флажками. – Заводить сюда транспорт уже категорически рискованно. Разгоняйте тех, кто здесь есть, побыстрее.

Замдиректора зыркнул на меня исподлобья и пробурчал:

– Чем и занимаюсь.

Вот и поговорили. Я вернулся в кабинет, а спустя некоторое время ко мне зашёл начальник автоколонны.

– Николаич, пойдём, посмотришь, чтоб вопросов потом не было, – обратился он ко мне. – Там фура приехала, тент на прицепе прострелен.

Час от часу не легче. Хорошо ещё, что приехала сейчас, а не час назад. А то как приехала, так бы и уехала. За «оборудованием».

Мы вышли из офисного здания и направились в ремонтный бокс, в пустовавших стенах которого стояла фура с тентованным полуприцепом, возле которой суетились два слесаря и водитель. Тент на полуприцепе был прошит автоматной очередью.

– И как это случилось? – поинтересовался я у водителя.

– Да, скорее всего, под Дебальцево, – потирая подборо-

док, ответил тот. – Я в Артёмовске выгрузился и в гараж порожняком шёл. Под Дебальцево еду, слышу – вроде выстрелы, очереди автоматные, я притопил – и побыстрее оттуда. А на блокпосте перед Алчевском остановили, вышел, смотрю – тент прострелен.

В этот момент над городом взвыла сирена. Мы переглянулись с начальником колонны. Он – бывший военный, в своё время, ещё при Союзе, отслужил с десяток лет на Севере. Серьезный мужик, которого водили между собой величали Комбатом.

– Похоже, воздушная тревога, – напряженно произнес он.

– Похоже на то, – согласился я.

Мы вышли из бокса и увидели вынырнувший из облаков военный самолет, как позже выяснилось – СУ-25, который выпустил снап зарядов куда-то в сторону центра города, после чего быстро исчез из поля зрения. Донесся глухой звук взрыва.

– По центру, что ли, ёбнул... – недоуменно произнес я.

– Он украинский вообще был или чей? – Комбат был ошарашен увиденным не меньше моего.

– Скоро узнаем, – я достал телефон, чтобы связаться с женой. – Нужно родне позвонить, а то мало ли что.

Не хотелось даже допускать мысль про наихудшее. После нескольких мучительно долгих гудков жена подняла трубку.

– Ты где? – чуть ли не прокричал я. – У вас всё нормально?.. Дома? А, ну хорошо.

Я положил трубку и обратился к начальнику колонны:

– С директором, может, переговорить – людей по домам отпустить, если уже город бомбить начали.

В руке зазвонил телефон. Санёк.

– Да, кумец! – осторожно ответил я, понимая, что новости могут быть не самыми хорошими.

– Гарик, ты не в центре? – донесся взволнованный Санин голос.

– Не, на работе.

– Прикинь, еду только что мимо «дураковки», а самолет по зданию администрации ракетой пизданул! – эмоционально вещал в трубку кум.

– Круто... Лады, спасибо, кумец, за инфу.

Я сбросил вызов. Вот и ответ – чей самолет. А «дураковой» у нас называют сквер перед зданием обладминистрации. Сами догадайтесь почему.

– По обладминистрации ударил, – сообщил я новость Комбату, тоже положившему трубку после разговора с кем-то из родни. – Никого там сейчас нет из знакомых?

Тот отрицательно покачал головой:

– Нет вроде. Жены подружка работала, но после того, как там «народный губернатор» поселился, взяла отпуск за свой счет.

Мы быстро вернулись в здание, и я прямиком направился в приемную директора.

– У себя? – справился я у секретарши, кивнув в сторону

двери шефа.

– Да, только что звонил. Сказал вас найти, чтобы зашли.

– Неудивительно.

Я постучался и прошел в кабинет. Шеф был явно не в духе.

– В здании обл администрации взрыв был только что, – после небольшой паузы начал он.

– В курсе, своими глазами видел.

Директор вопросительно посмотрел на меня.

– Видел, как самолет ракеты выпускал по администрации, – пояснил я.

– Это авиаудар был? – на лице шефа смешались недоумение и удивление.

Я кивнул, а шеф задумался. И было о чём. Если теперь по городу начнёт работать авиация, то всё, что было до этого, покажется нам цветочками. И даже если цели у них будут исключительно военные, то от косорукости пилотов никто не застрахован. А опыта ведения боевых действий у летчиков ВВС Украины до этого было ноль целых ноль десятых.

– Твои мысли, – поинтересовался шеф.

– Весь транспорт вывести на контролируемую Украиной территорию и сюда больше не заводить, – начал я с очевидных вещей. – Здесь максимально законсервироваться и ждать, пока разрулится ситуация. Проверить наличие и исправность средств пожаротушения. Докупить огнетушителей, аптек, если надо. В подвале здания сделать что-то ти-

па бомбоубежища с запасом воды и медикаментов, кинуть туда ещё пару ломиков, на случай если вход завалит. Сотрудников, думаю, сегодня можно по домам распустить. Дальше – по ситуации.

– Согласен, скажу завхозу, – кивнул шеф, и включив селектор, дал команду секретарю: – Лена, обзвони руководителей отделов, на сегодня все свободны.

– Да, вот ещё, – вспомнил я про недавний инцидент, который после ситуации с авиаударом вылетел из головы. – Сегодня приезжал какой-то хрен из ополчения, хотел фуру безвозмездно попользовать. Отправил его на три буквы, как определялись.

Шеф утвердительно кивнул и переключил внимание с меня на экран смартфона. Я понял, что беседа окончена, как собственно и работа на сегодня, направился к себе, взял ключи от машины и поехал домой.

Едва я припарковался у дома и вышел из машины, до моего слуха донесся стрёкот автоматных очередей неподалеку, перемежающийся одиночными выстрелами. А на входе в подъезд я столкнулся с Валентинычем – живущем на третьем этаже старичком, который спешно ковылял домой.

– Валентиныч, где стрельба?! – поинтересовался я.

– Погранчасть штурмуют, – прошамкал тот. – Уже часа два тут пальба. Я ходил глянуть – что да как, так самого чуть не застрелили.

– Да чего ж вы туда поперлись, если слышали, что стреляют? – не понял я логики его действий.

– У меня гараж там рядом, в кооперативе, – объяснил Валентиныч. – «Москвич» мой стоит, переживал, чтоб ничего не случилось.

Мы вместе зашли в подъезд.

– Ну вы даете – под пули лезть, – продолжил я увещевать деда. – Как закончится, тогда уж и сходите. У меня тоже там гараж.

Со стороны погранчасти донесся сильный звук взрыва. Или РПГ, или просто гранату бросили, прикинул я в уме, а вслух сказал, обращаясь больше к самому себе:

– Блин, надо решать с семьей что-то. В городе уже реально опасно становится, если под домом такая херня творится.

Валентиныч вышел на третьем этаже, а я на лифте поднялся до седьмого и зашел в квартиру, где сходу был облеплен детишками. Из комнаты навстречу вышла взволнованная жена.

– Ты слышал, стреляют где-то рядом. Связи нет, сеть не ловит, позвонить тебе даже не могла.

– Погранчасть штурмуют, – объяснил я происходящее. – К окнам не подходите, не дай Бог какой рикошет. Тут хоть прямой видимости нет, но мало ли что... Как связь появится – позвони родителям. Отвезу вас к ним в Мариновку, побудете там, пока не закончится этот трывдец. В деревеньке, на свежем воздухе... и детям полезно.

До слуха снова донесся вой сирены воздушной тревоги. Неужели опять будут бомбить? Не должны, ведь вокруг жилые многоэтажки. Хотя... Кто знает? Жена подошла к окну – не самая хорошая идея.

– Отойди от окна! – скомандовал я, прокручивая в уме увиденный сегодня авиаудар. – Бери детей и в ванную быстро!

Супруга не заставила себя ждать. Я подошел сбоку к открытому на проветривание окну и осторожно выглянул наружу. Через несколько секунд донесся гул самолетного двигателя, после чего дом вздрогнул от сильного взрыва, а в окне СУ-25 быстро ушел в облака. Стрельба стихла, но ненадолго. Из ванной выглянула испуганная жена:

– Игорь, что делать?

– Не знаю, – спешно размышлял я вслух, прикидывая возможные варианты развития событий. – По идее до нас достать не должно, если, конечно, пилот не косорукий. Эти уроды не уgomонятся, пока погранотряд не захватят. Самолет тут погранцам не поможет ничем. Ну, бахнет еще пару раз. А они дождутся темноты и снова начнут осаду. А если погранцы сами не сдадутся, то будут действовать по старой схеме – родственников свозить и ими прикрываться.

Из окна снова донесся гул авиадвигателя и автоматные очереди. Жена опять спряталась в ванную, а в окне мелькнул самолет, но взрыва не последовало. В этот день авиация нас больше не беспокоила. В отличие от пехоты, которая про-

должала стрекотать под окнами ещё пару дней. Вечером того же дня, уже после заката, когда фасады домов погрузились во тьму (люди просто боялись включать свет, чтобы не привлечь лишнего внимания), я занимался привычным делом – гуглил новости в надежде, что обстановка начнет меняться в сторону адекватности. Из соседней комнаты вышла жена.

– Связь появилась, поговорила с родителями. Они говорят, что к ним нельзя ехать – на погранпереходе бой идет. Стрельба, взрывы. А там пара километров всего до них. Все по подвалам сидят, прячутся.

Я задумался. И тут облом. Нужно искать другие варианты эвакуации. Решение созрело быстро.

– Так... Смотри, поезда какие-то вроде ещё ходят, хотя билетов точно нет. Собирай потихоньку вещи самые необходимые, а я завтра договорюсь с одним человечком и посажу вас на поезд. Поедете к брату в Винницу, у него побудете.

– А ты? – сразу спросила жена, чувствуя подвох.

– А что я? У меня работа. Контора пока работает, буду работать и я.

По ответному взгляду жены было понятно, что такой вариант её не слишком устраивал. Передавать весь следующий диалог нет особого смысла. Каждая из сторон привела свои доводы. Одна – эмоциональные, вторая – рациональные. При этом обе постарались быть максимально корректными, дабы не нарушить хрупкий баланс компромиссов, именуемый семейной жизнью. И супруге в итоге пришлось уступить.

Приехав на следующий день на работу и включив онлайн-карту с геолокацией нашего транспорта, я убедился, что все машины благополучно покинули территорию области. Ближайшая катилась уже по Харькову. Ну хоть какие-то хорошие новости. Кстати, что там нам глаголет интернет? С этими мыслями я углубился в анализ свежих событий. Однако чтение новостей было довольно быстро прервано разрывом снаряда где-то совсем рядом. От взрыва треснул стеклопакет и заложило уши. Я вскочил и выбежал из кабинета. Коридор быстро наполнился людьми. Из кабинета в конце коридора донесся голос одного из айтишников:

– Дениса ранило! Позовите кто-нибудь медсестру.

За последние пару недель под минометный или артиллерийский огонь всё чаще стал попадать жилой сектор. Вот и до нас достало. Хорошо, что в штате есть медсестра, которая осматривает и проверяет водил перед выездом. Я бросился в кабинет к айтишникам, где увидел сидящего Дениса, держащегося за локоть. Сквозь пальцы сочилась кровь. Окно в кабинете было разбито. Второй сисадмин пытался перетянуть руку выше раны чем-то вроде самодельного жгута. В кабинет вбежало еще несколько сотрудников. Кто-то сообщил:

– Медсестру позвали, уже бежит.

– Это стеклом что ли так? – попытался выяснить я подробности.

– Осколок... – кривясь от боли, выдавил Дэн. – Через окно

залетел, руку задел, вон в стене торчит.

Я проследил за направлением его взгляда и увидел искореженный кусок металла, торчащий из стенной панели.

– Так! Все спускаемся в подвал! – прокричал я, чтобы перекрыть гул голосов. – Там бомбоубежище оборудовано, переждём какое-то время, вдруг еще прилетит.

В кабинет вбежала медсестра с аптечкой и принялась хлопотать вокруг Дениса. Сотрудники стали рассасываться по кабинетам. В подвал, как ни странно, никто не пошел. Я тоже вышел из кабинета и в коридоре столкнулся с директором.

– Денису осколком руку зацепило, – ввел я его в курс событий. – Вроде ничего серьезного, но надо что-то решать. Безопасность мы обеспечить не сможем.

– Хорошо, все по домам! – сказал шеф, повысив голос так, чтобы все вокруг слышали. – Руководители через 10 минут у меня в кабинете.

И быстрым шагом направился к айтишникам.

В указанное время мы собрались в приемной директора. Тот закончил телефонный разговор и через открытую дверь махнул нам рукой заходить. Мы расселись, и шеф начал свой монолог.

– Обстановка в городе, скажем так... боевая. Находиться на предприятии, да и в городе в целом становится категорически небезопасно. Денис ранен, слава Богу, не серьезно, но обеспечить безопасность сотрудников мы не в состоянии. И держать вас на работе с учетом того, что происходит,

лично я не имею права и, конечно, не буду. Весь грузовой транспорт, который был на ходу, мы вывели из... зоны боевых действий, и он может продолжать работать. Наша задача – обеспечить работу предприятия в этих непростых условиях. Поэтому мое предложение следующее. У моего знакомого под Киевом есть небольшая гостиница, там мы сможем на какое-то первое время разместить походный вариант офиса и частично разместиться сами. Если не будет хватать места в гостинице – решим вопрос с проживанием. Вы должны подумать сами и переговорить с сотрудниками, кто сможет экстренно туда выехать и продолжить работу.

Присутствующие начали переглядываться между собой, а шеф продолжал:

– Чтобы начать там работать, нам необходимо вывезти все рабочие ноутбуки и несколько системных блоков коммерческого отдела и бухгалтерии. А также регистрационные документы и печати. Уезжать будем поездом, они еще пока ходят, и это самая безопасная на данный момент возможность отсюда уехать. Ехать через блокпосты на автомобилях очень опасно, и не везде пропускают. Так что до завтрашнего утра в телефонном режиме согласовываем со мной кандидатуры сотрудников, кто сможет поехать. Есть договоренность с руководством железнодорожного вокзала, в каждом следующем киевском поезде нам выделяют по несколько мест. Плацкарт или купе, я не знаю, да и не важно это в сложившейся ситуации. Там сейчас в одном купе, насколько я знаю, по 15

человек уезжает, лишь бы было, где сесть. Тамара Степановна, – обратился он к главному бухгалтеру, – на вас документация. Юрий Викторович, Игорь Николаевич, – это уже мне и заму, – вместе со вторым сисадмином займетесь компьютерами. Брать только самое необходимое. С завтрашнего дня начинаем переезд. Вопросы?

– А как быть с семьями? – главбухша задала вопрос, который после услышанного возник у всех присутствующих. – Если мы будем уезжать, то не можем же мы их тут оставить?

– Само собой, – директор был готов к вопросу, – места в поезде будем стараться обеспечить всем – и сотрудникам, и членам семей. Если нет возможности отправить семьи в безопасное место куда-то к родственникам – что ж, по приезде будем что-то решать с жильем. Но бросать тут кого-то, кто хочет уехать, однозначно не будем.

– А тут, на предприятии кто-то останется? – озвучил Юрий Викторович мои мысли – уж в чём-чём, а в сообразительности ему не откажешь.

И какой будет ответ, я уже начал интуитивно догадываться.

– Во-о-от... – задумчиво протянул директор. – Если нет больше других вопросов – все свободны, жду от вас информацию. Игорь Николаевич, а ты останься, пожалуйста.

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться», – в памяти невольно всплыла сцена из культового сериала. Но в моём случае я точно знал, о чем пойдет речь. Кабинет опустел.

– Николаевич, я знаю, у тебя семья, дети маленькие... – вкрадчиво начал шеф. – Поэтому если откажешься, я пойму...

Ну что ж, это вполне логично. Кому как не мне оставаться сторожить всё это хозяйство. Что тут думать – должность обязывает.

– Михаил Валерьевич, я всю жизнь в погонах. Пугаться трудностей – это не про меня. Надо – значит останусь, не проблема. Вопрос – семья?

По шефу было видно, что он опасался другого моего ответа.

– За это не переживай, завтра в первой же партии поездом отправляй, я тоже буду с семьей выезжать, так что присмотрю, помогу если что, – заверил меня он. – Пару дней в гостинице поживут, пока жилье не найдем. Потом квартиру для них снимем, и с деньгами на расходы тоже решим.

Меня такой расклад удовлетворил более чем.

– Тогда даже не вопрос. Спасибо.

– За что? – удивился шеф.

– Ну как за что? Другой бы распустил сотрудников, повесил замок на входной двери и ждал бы, пока это всё закончится. А вы офис эвакуируете, переезд и жилье сотрудникам обеспечиваете.

– Понимаешь... – шеф задумался и рефлекторно постукивал пальцами по столу. – Не для того это всё столько лет создавалось, чтобы за один день просрать.

– Тогда сформирую дежурные смены из числа тех сторожей и механиков, кто не уедет и согласится выходить на работу в этих условиях. И будем держать оборону.

Директор кивнул головой в знак согласия.

– Мои машины в боксе останутся. Вот на всякий случай, – и протянул мне ключи и техпаспорт от своего гелендвагена.

Я тоже кивнул и заметил:

– Тут уже многие сотрудники свои машины в рембокс поставили, под охраной вроде как.

Я вышел из кабинета и поехал домой, где меня снова ожидал не самый простой разговор с супругой.

На следующий день семья погрузилась в киевский поезд. Перрон был забит людьми. Грузились чемоданы, сумки, ящики, горшки с цветами, клетки с животными. Те, кому не достался заветный пропуск в мирную жизнь, рвали проводников на части, всеми правдами и неправдами пытались заполучить место в вагоне. До отправки поезда оставалась пара минут – пришло время прощаться и покидать купе.

– Вот зачем ты остаешься? – в очередной раз разрыдалась жена.

– Буду дом охранять, – ответил я максимально позитивно. – Не переживай, всё будет нормально. Я дом-работа исключительно. Никуда влезать не буду.

– Пообещай, что всё будет нормально!

– Обещаю! Со мной всё будет нормально! – успокаивал я

супругу. – Что со мной может случиться? С моим-то опытом оперативно-розыскной деятельности!

И чтоб как-то отвлечь её от дурных мыслей, полушутя обратился к сыну:

– Смотри – остаёшься за главного! Береги маму и сестру!

Всех обнял, поцеловал и вышел из вагона. Состав тронулся, и я ещё какое-то время махал рукой прилипшим к вагонному стеклу детям.

Несколько дней прошло без особых происшествий. Мои доехали почти нормально, если не считать четырехчасового ожидания где-то под Горловкой, пока чинили железнодорожную колею, поврежденную взрывом. Днями я сидел в закрытом наглухо АТП, попивал чай да смотрел сериалы. Благо, свет и интернет большую часть времени были. Вечером ехал домой, где занимался тем же самым, иногда заменяя чай пивом. Жизнь в городе еще теплилась.

А на выходных нас с Саньком позвал в гости наш общий кум Игнат. Проведать крестников, пожарить шашлык, выпивать. Мы периодически собирались у него на подобного рода семейные мероприятия. Игнат жил в частном доме, и условия для пикника были идеальными. Правда, в этот раз мы с Саньком были сами, поскольку уже отправили семьи в безопасные для жизни места. Игнат своё семейство пока ещё не эвакуировал. Он, как и все мы, в глубине души ещё надеялся, что вот-вот – и благоразумие возобладает. В верхах договорятся, и тот маразм, который творится и в городе,

и в стране, скоро закончится. А пока нужно было как-то отвлекаться от окружающего со всех сторон негатива, вот и решили, что нужно собраться. Поначалу всё шло как обычно, если не считать звуков канонады, периодически долетающих до слуха с окраин.

– Кумец, как твои, добрались? – спросил я у Санька, накануне отправившего своё многочисленное семейство в Краснодарский край, к родне. Нужно отметить, что и у Сани, и у Игната было по трое детей. Прибавим к ним еще двоих моих, и можете представить себе тот детский сад, который собирался на общие семейные праздники.

– Жена звонила днем. Добрались, размещаются, – ответил Саня, дожевывая кусок шашлыка.

– Ну, нет худа без добра. Зато хоть родню кубанскую поведдают, погостят. Это ж малые там и не были ни разу? – заметил Игнат.

– Старший только был, лет пять назад ездили, а младшие нет. Вот родичам будет веселье – ещё трое детей на шею да жена. У них и своей детворы хватает, а тут ещё прикатили.

– Да ладно, они же сами предложили, – не согласился с Саней Игнат. – И приехали забрали в Миллерово. На то они и близкие. В хорошие времена все горазды на хлеб-соль звать. А вот в плохие и проверяется, кто реально поддержит, а кто просто балабол.

– Кум, а ты дальше что думаешь? – спросил я у Игната.

– Я своих послезавтра в Алушту повезу, к родичам. Тоже

вроде готовы принять. Заодно детвора на море покупается.

Темнело. Кума с детворой отправились в дом готовиться ко сну. Мы же остались сидеть во дворе в беседке. Откуда-то снова донеслись звуки взрывов, но постепенно, с увеличением количества алкоголя стрельба отходила на второй план. А на первый план выходила политика.

– Не стрёмно тебе за своих в Киеве? – озабоченно спросил у меня Игнат. – Лучше бы в Россию к родичам жены поехали. В Киеве сейчас бандеровцы рулят. Вон, че творят, посмотри, новости почитай – города бомбят, людей убивают. Мы для них не люди вообще – рабы, скот.

Спорить о политике и интерпретации происходящих событий не хотелось. Я понимал, что ни к чему хорошему это не приведет. Но пол-литра «Белой Королевы» и эмоциональная напряженность последних дней сделали своё дело.

– Ты всех под одну гребенку не равняй. У тебя друзей и знакомых по всей стране сколько? И в Киеве, и за Киевом. Все резко фашистами стали? Телевизору верить вообще нельзя, – ответил я и посмотрел на Саню, чтобы понять его видение ситуации. Но тот лишь молча пожал плечами.

– Я как мент, хоть и бывший, немного понимаю процессы за кулисами всего этого движения, – продолжил я. – И то, что отжим Крыма – это спецоперация ГРУ и ФСБ, много лет назад спланированная, тоже понимаю. Мне знающие люди ещё лет пять назад говорили, что Россия будет Крым забирать. Причем люди, просто бизнесом занимающиеся, не силови-

ки, но с хорошими связями. И если эта инфа даже до меня дошла, то что говорить про спецслужбы? И что референдум там липовый, для отвода глаз. Как и у нас сейчас эти ополченцы, вдруг откуда-то возникшие, перекрыли въезды-выезды, и по сути просто отжали часть территории страны. В уголовном кодексе этому чёткое название есть.

– Так бандеровцы первые начали! Майданом своим! Это, скажи, по-твоему, законно было? – начал заводиться Игнат.

– Незаконно. И больше тебе скажу, без американских спецслужб там тоже не обошлось. Но в ситуации с Майданом они в точку попали – Янек настолько уже всех достал, что люди реально поднялись. Обычные, простые люди. Да, кто-то стоял за бабло. Но стоять зимой неделями в мороз 20-ти градусный ни за какие деньги никто не будет. Только за идею. И то, что свалили его, лично я считаю – правильно. Неправильными методами, но правильно.

В глазах Игната блеснул нехороший огонек. Мы дружили с ним давно. Более чем достаточно для того, чтобы хорошо его изучить. У каждого из нас свои тараканы в голове. В обычной жизни он был примерный семьянин, хваткий в бизнесе, душа компании и отличный друг, готовый всегда помочь в трудной ситуации. Таким же он оставался и в лёгкой стадии опьянения. А всего их у него было три. Про первую я уже рассказал. Вторую я бы назвал «Игнат-супермен». У него резко обострялось чувство справедливости и появлялось ощущение собственной неуязвимости. В этом состоя-

нии Игнат был готов в одиночку выступить на борьбу со всем окружающим злом. Правда, под руку попадались обычно либо официанты, которые, видя, что дяденька в изрядном подпитии, пытались его обсчитать (а считал Игнат отлично в любом состоянии), либо развязно ведущие себя за соседними столиками компании. И зачастую всё это действие заканчивалось вмешательством охраны или милицейского наряда.

И была еще третья стадия. Если представить, что на правом плече у нас сидит ангел, а на левом – демон, и каждый со своей стороны дует в мозг, как нужно себя вести, то во второй Игнатовой стадии главную роль играл всё же ангел. Но если по каким-то причинам Игнат пересекал невидимую алкогольную грань, то пернатый представитель небес в бессилии опускал крылья и на арену выступал рогатый житель подземного царства. Что происходило потом – не хочу описывать. Главное, что, протрезвев наутро, Игнат напрочь ничего не помнил, а окружавшие его на тот момент люди не хотели его больше знать. Потом постепенно выяснялись подробности, Игнат замаливал грехи, и всё возвращалось на круги своя. Все мы знали о таких его особенностях и относились более-менее терпимо. Тем более, что от алкогольных излишеств зверь просыпается во многих представителях сильного пола. Знал это и сам Игнат и всеми силами старался не доходить до предела, за которым теряется человеческое обличье. Но сейчас по нехорошему блеску в его глазах я понял, что «суперменской» стадии сегодня не будет.

Игната понесло.

– А теперь хотят свою бандеровщину и нам на Донбассе навязать! – чуть ли не закричал он.

– Ты разницу не хочешь понять, – заговорил я успокаивающим тоном, как бы соглашаясь с ним. – Да, эти, как ты говоришь, бандеровцы свергли действующую власть, то есть фактически совершили революцию. Как в 17-м году. Но! Они после этого выборы провели, нового президента выбрали. Причем относительно честно, как мне кажется. И практически весь мир с этим согласился. А эти, наши защитники так называемые, просто тупо отделили кусок страны, объявив себя народными избранниками и руководителями республики. Какой республики? Кто они такие? Откуда взялись? Кто их выбирал? Кто их вообще знал до этого? – сам того не осознавая, понемногу начал заводиться и я. – Причем беспределят не меньше, а может и больше даже! И при этом кричат, что они нас защищают! От кого они нас защищают? От «Правого сектора»? Да их там человек пятьсот наберется от силы, кого бы они тут захватили? Бред!

– Да успокойтесь вы, чего собачитесь? – видя, что страсти накаляются, попытался встрять в беседу Санек.

– А снаряды, по городу летящие, это тоже бред?! Люди, погибшие и раненые, это тоже бред?! – Игната было уже не остановить.

– Это страшно и неправильно, – попытался я как-то сгладить конфликт. – Когда невинные люди гибнут, это всегда

страшно. Но сам подумай, Советская Армия фашистов из захваченных городов шашлыками выманивала? Херачили точно так же, только об этом в наших учебниках по истории не написано. Потому что победителей не судят. А о простых людях в такое время никто не думает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.